

УДК 330.111.62

И.А. КАБАШЕВА,
кандидат экономических наук, доцент

Казанский государственный финансово-экономический институт

ПРОБЛЕМА ПРИОРИТЕТНОСТИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ

В данной статье предпринята попытка постановки проблемы целесообразности существующей институциональной иерархии реалиям постиндустриального этапа экономического развития с его ориентацией на приращение знаний и качества человеческого капитала. Также рассматриваются узловые вопросы преобразования системы отношений собственности с целью гармонизации интересов участников процесса создания ценностей.

Одним из наиболее распространенных постулатов в современной экономической науке и практике является точка зрения, трактующая институт частной собственности в качестве основополагающего вектора долгосрочной динамики социально-экономического развития хозяйственной системы. Надо полагать, столь значительное возвышение института частной собственности среди иных ее видов и других не менее важных институтов обуславливается формированием и широким развитием парадигмы "естественного права", в соответствии с которой собственность отождествляется с жизненной необходимостью и целесообразностью права каждого человека по закону природы отстаивать и приумножать "... свою собственность, то есть жизнь, свободу и имущество" [1, с. 50]. Базируясь на этом догмате, классики экономической теории развили положение о фундаментальной связи первоначальных в экономическом смысле оснований возникновения права собственности с трудовой деятельностью "... труд есть первоначальный источник всякой собственности" [2, с. 110], а поскольку "... человек вкладывает свою жизнь в жизнь вещей, поэтому собственность – естественное право" [3, с. 126]. Данные идеи развиваются и современными учеными-экономистами: "трудовая природа собственности формирует понятное всем "естественное право" труженика пользоваться и распоряжаться созданной им ценностью по своему усмотрению" [4, с. 21].

Право частной собственности, являясь краеугольным камнем доктрины "естественного права" наравне с базисными правами на жизнь, труд, свободную инициативу, выступает естественным и неприкосновенным правом человека, имманентно присущим ему по факту бытия. Следуя этому, в ранг естественных законов, от которых зависит мир и безопасность всего человеческого общества, возводится стабильность владения, передача собственности посредством согласия и исполнение обещаний [5, с. 90]. Исходный пункт такого согласия, достигающегося договорным типом отношений в обществе, назван английским философом Дж. Локком "естественным состоянием", в котором каждый пользуется неограниченной свободой и правом на плоды своего труда [6, с. 56].

При этом стоит обратить внимание на то, что изначально философско-экономические рассуждения связывали источник частной собственности с ее трудовой природой. Приоритетность труда не только как способа борьбы жизни со смертью, но и целесообразной необходимости и, более того, обязанности человека перед обществом [7, с. 161–182] являет собой естественную основу производства и присвоения ценностей: "труд – это ценность, которую приобретаются блага..." [8, с. 42]. В дальнейшем по мере усложнения экономической структуры общества, сопровождающегося процессами концентрации и централизации капитала,

его разделения на капитал-собственность и капитал-функцию, фундаментальность трудовой основы частной собственности перекрывается законом собственности на продукт чужого труда (капиталистическая собственность), при котором присвоение осуществляется посредством товарного обращения и распределения доходов. И именно этот постулат наделяется характеристиками исключительности и чрезмерной значимости в декларируемой ныне концепции "естественных прав".

Современное "продвижение" идеи возвеличивания института частной собственности и приоритета права собственности в институциональной иерархии прав принадлежит авторитетным экономистам неинституционального направления, рассматривающим становление и развитие института прав частной собственности в западных странах в качестве основополагающего условия их экономического прогресса за последние столетия. Так, Д. Норт и Р. Томас, обобщив опыт США, пришли к выводу, что наибольшая вероятность поступательного экономического развития существует в обществах, которые гарантируют права частной собственности. По их мнению, решающее значение для эффективной организации экономики и, как следствие этого, достижения устойчивых темпов экономического роста имеют правовые институты, которые обеспечивают предприимчивым людям получение плодов от их усилий: "... экономический рост будет иметь место в том случае, когда права собственности оправдывают усилия, предпринимаемые в области общественно производительной деятельности" [9]. В частности, Д. Норт показал, как в Англии введение патентных прав побудило изобретателей выносить на публику сведения о своих новаторских достижениях и тем самым стимулировало промышленную революцию [10].

Расширение влияния идеологии "естественного права" как безусловного приоритета права частной собственности над другими социально-экономическими институтами органично вписывалось в действующий механизм рыночного обмена и потребления в соответствии с либеральной концепцией общественного разви-

тия, доминирующей в мировой экономике и политике с 1960-х гг. Всеобщее распространение либеральной идеологии, базирующейся на институциональных формах индивидуалистической мотивации, предполагало экономическую свободу индивидуума и "свободную конкуренцию", в результате которой "победители" получают бóльшую долю в создаваемых обществом материальных благах. Материальная и рациональная основа либеральной идеологии нашла отображение в адекватной ей институциональной структуре, направляющей действия индивидов на максимизацию преимущественно индивидуальной полезности, даже если это осуществляется в ущерб качеству или разрушения среды обитания. Возвеличивание права индивидуального владения и распоряжения над прочими институтами (правами) мотивирует исключительно к достижению приращения частной собственности и капитала, а также экономической власти крупных собственников, отсюда гедонистический тип хозяйственного развития с его постулатом всеобъемлющего потребления. Ведь как справедливо отмечал еще в XIX в. Н.А. Бердяев, не размер объектов собственности того или иного класса или лица стоят в центре социальных конфликтов, а недостаточное и чрезмерное потребление благ [11, с. 290–305]. Культ потребительства рождает мотивацию к обладанию собственностью, поскольку материальный результат от ее использования позволяет достичь определенного уровня потребления. Экономическое хозяйство превращается в антихозяйство, а труд – в способ разрушения базовых для поддержания жизни человеческого рода благ [12, с. 12–16].

Результирующим итогом доминирования "естественного права" и либеральной доктрины общественного развития становятся экономическое угнетение и катастрофически выросшая дифференциация в уровне доходов населения; крайне неравномерное распределение созданного богатства по странам; усугубление экологических проблем и др. Так, например, в США соотношение средней зарплаты топ-менеджера и рабочего в начале 1970-х гг. составляло 30:1, тогда как в 2000 г. – уже 500:1; доля националь-

ного дохода, приходящегося на 0,1% самых богатых граждан, выросла с 2% в 1978 г. до 6% в 1999 г. Уровень реальной заработной платы (в ценах 2001 г.) упал в США с 15,72 долл. в час в 1973 г. до 14,15 долл. в 2000 г. при постоянном росте производительности труда [13, с. 44]. По данным экологов, на сегодняшний день считаются уничтоженными 70% естественных экосистем, способных перерабатывать всякого рода вредные отходы [14, с. 293].

Одновременно с этим возникают некоторые сомнения, касающиеся отнесения тех или иных прав к перечню "естественного права". Как уже отмечалось выше, изначально к "естественному праву" относилось именно трудовое присвоение благ, тогда как в дальнейшем это положение было заменено более сложным и диверсифицированным – присвоение продукта чужого труда посредством товарного обращения и распределения доходов. Так, авторитетные российские ученые-экономисты В.А. Каменецкий и В.П. Патрекеев, отчасти ссылаясь на работы известного российского академика-правоведа С.С. Алексеева, убедительно доказывают, что право собственности на вещные объекты собственности, которыми выступают материальные ценности и их денежные эквиваленты, являются и присуждаемыми, и отчуждаемыми, то есть зависят от установленных в обществе правил институциональной регламентации надления и отчуждения данных объектов собственности, не может квалифицироваться в качестве "естественного права" [15, с. 56]. Основанием возникновения и отчуждения прав собственности на материальные (вещные) объекты, а также их защитой выступает своего рода выражение воли общества – позитивное право, конституирующееся в форме определенных правил и процедур, сопровождающих этот процесс.

Напротив, к "естественному праву" со всей уверенностью можно отнести собственность на трудовой (интеллектуальный) капитал как неотчуждаемый объект собственности, принадлежащий человеку от рождения и независящий от любых законоположений. "Широко распространенное суждение о "священном праве частной собственности", строго говоря, в полной мере

применимо только к естественному праву на нематериальные объекты собственности (способности, знания), которые российское законодательство вообще не признает как объекты собственности" [15, с. 56].

Отсюда можно предположить, что высокая степень относительности перечня "естественных прав" и различных точек зрения на его компонентность не является достаточным аргументом теоретического обоснования преимущественного положения одних институтов над другими. Авторская позиция заключается в том, что эффективность современной экономической цивилизации характеризуется исключительно комплексной системой присвоения, не предполагающей возвеличивание ценности ее отдельных способов. Все они имеют системное значение и реализуют свои потенциалы, приносящие совокупный экономический эффект.

Дискуссионность рассматриваемого вопроса актуализирует значимость пересмотра институциональных основ социально-экономического развития, как думается автору, с позиции обеспечения равноценности и равнозначности частной и общественной форм собственности, а также нивелирует противопоставления функционирования экономических институтов, реализующих как частные, так и общественно значимые права индивидов.

Однако позиция автора по данному вопросу не является единственной в силу его сложности и неоднозначности решения. В частности, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН О.С. Сухарев, размышляя об институционально-структурном перекосе на траектории современного хозяйственного развития, выдвигает необходимость ее изменения с точки зрения обеспечения приоритетности в институциональной иерархии в пользу социально (общественно) значимых институтов. В противовес доктрине "естественного права" он выдвигает концепцию "неестественного права", в соответствии с которой "... экономические агенты ... распоряжаются тем, что им не принадлежит, то есть они не имеют права собственности на то, что используют в своей трудовой деятельности, и по этой причине распо-

лагают (условно назовем) неестественными правами" [16]. Под "неестественными правами" в данном контексте подразумеваются права на образование, на занятие научной деятельностью, на медицинскую и иную социальную помощь, на выбор профессии и творческий труд и т.д., которые являются системообразующими и потому не менее естественными. Однако в современной экономической действительности их обеспечение "... имеет более низкий приоритет по сравнению с правом частной собственности..." [16].

В целом разделяя мнение О.С. Сухарева касательно непосредственно самой постановки вопроса, автор не согласен с его решением.

По убеждению автора, возвеличивание одного института (прав) над другими означает их противопоставление, а значит, несет в себе потенциал конфликтности и антагонизма между ними. При представлении общества в качестве сосредоточения корыстных индивидов (неинституциональная доктрина) или антагонистических классов (марксизм) в экономической системе будет постоянно воспроизводиться расширяющаяся зона конфликтов интересов, целей и задач развития, неадекватная реалиям постиндустриализма.

Имманентно присущая собственности обособленность, выражая отделенность какого-то объекта от чего-то, предопределяет обособление в самом социуме. Последнее, в свою очередь, предполагает противостояние отделенного объекта внешней среде и одновременно взаимодействие с ней. В самом деле, возвеличивание частной собственности происходило, в том числе, под влиянием протестантской этики, построенной на эгоистическом индивидуализме личности и ее стремлении к достижению высокого уровня потребления благ. Институт частной собственности размежевывал членов общества на собственников и несобственников по имущественному критерию, вызывая конфликтность и противоречия между ними.

В концепции автора каждый индивид объективно втянут в многообразие общественных связей и отношений, и поэтому он выступает как концентрировано выраженное общество.

Последнее рассматривается нами не в качестве абстрактного единства, а как единство многообразия. С учетом тождества различий множества индивидов как раз и представляется общественное целое. Взаимная принадлежность всего всем дополняется владением отдельных общностей частями всеобщего и собственностью каждой отдельной личности на свои способности. Здесь мы близки к принципу солидаризма (Ш. Жид, Г. Пеш, Л. Дюги, Э. Дюркгейм и др.), трактуемому общество как индивидуально-коллективную гармонию, без противопоставления личного и общественного. Целостность общества предполагает наличие и достижение единой цели, нахождение общих для обеих сторон ценностей и соподчинение столкнувшихся интересов этим ценностям, несмотря на противоречия индивидуальных установок. Именно в рамках этой философско-хозяйственной программы отношения собственности трактуются прежде всего в качестве обязательств, а уже затем прав, что является весьма перспективным и целесообразным моментом в реформировании присваивающей деятельности в России. Абсолютность права частной собственности отнюдь не означает его неограниченности и использования институциональных механизмов принуждения к социально-продуктивной деятельности.

Отношения собственности формируются непосредственно самим социумом и предстают как результат борьбы между его различными группами интересов, и поэтому возникают основания трактовать собственность как совокупность социальных отношений между индивидами по поводу присвоения конкретных вещей, условий и продуктов производства. Отсюда, думается, и родилось бытующее мнение о том, что теория собственности – это, главным образом, наука о морали (Л. Вальрас).

Действительно, непреходящая значимость взаимосвязи эффективного экономического развития с общественным признанием (легитимности) прав собственности в российской экономике приобретает особую важность не только в силу национально-исторической и культурной специфики ее развития, но и вследствие

произошедшей экономической трансформации, в процессе которой государство самоустранилось от регламентирования экономических отношений и контроля над финансовыми спекуляциями узкой группы лиц. Думается, по этой причине российские ученые достаточно единодушно сходятся во мнении, что "в отличие от большинства лидеров стран, проводивших приватизацию, российская политическая верхушка не проявила даже малой степени солидарности с собственным народом" [17, с. 61], результатом чего стало отсутствие легитимности крупной российской собственности. Последнее связывается не столько с негативными результатами приватизации, сколько с самим процессом ее осуществления, воспринимаемым российским обществом как отступление от принципов "честной игры" [18, с. 85–110]. Тогда как, исходя из изложенного выше авторского понимания, социально-экономическим вектором развития общества становится достижение единой цели, несмотря на разность целевых установок каждой отдельно взятой личности. Лишь объединяющее начало, которое возможно при соответствующей институциональной структуре, включающей преимущественное положение какого-либо института (права), будет способствовать прогрессивному, неантагонистическому и гармоничному развитию общества. В этом контексте автором подвергается некоторым сомнениям сам факт существования институциональной иерархии в смысле приоритетности и большей значимости одних институтов над другими. Действительно, насколько правомерна и обоснована сама постановка вопроса большей значимости права владеть или права не владеть, права работать или права отдыхать и т.д. Это, по мнению автора, не является перспективным. И здесь можно не согласиться с О.С. Сухаревым, что необходимо изменить приоритеты с возвеличивания прав частной собственности на преимущественное положение социально значимых прав. Авторская позиция состоит в том, что институциональная структура должна быть выстроена с точки зрения равнозначности и равноценности как разнообразных форм собственности, так и прочих институтов (прав).

Отсутствие противопоставлений между ними будет способствовать гармонизации социально-экономического развития без ущерба достижения индивидуальных либо общественных (социально значимых) целевых установок.

Сложность и комплексность исследуемого вопроса предполагает выявление перспективных направлений обеспечения институциональной равнозначности, что требует разработки регламентаций не только по снижению существующего преимущества института частной собственности в получении денежного дохода, но и одновременной проработки способов увеличения значимости других жизненно важных экономических и, шире, общественно-гражданских институтов. Достижение этого представляется возможным посредством повышения статуса институтов, реализующих общественные цели, мотивы и права при одновременном ограничении прав частной собственности с позиции усиления реализуемой ею общественно значимой функции. Необходимо ввести институциональные нормы, ограничивающие реализацию эгоистических мотивов частной собственности и злоупотребление ей в ущерб достижению общественно значимых целей. На взгляд автора, видится целесообразной институциональная структура, в которой права собственника следуют после его обязанностей и ответственности перед обществом, связанных с реализацией этого права. Высказанное автором мнение не является принципиально новым в экономической науке, поскольку отношение к собственности как некоей ответственности и необходимости выполнения определенных обязательств можно найти и в неинституциональной, и в марксистской теориях. Однако между ними имеется существенная разница: у неинституционалистов – это, прежде всего, обязанность не захватывать чужого и приумножать свою собственность; у марксистов – обязанность быть рачительным, трудолюбивым хозяином перед обществом, коллективом. Своего рода "эгоизация" и "альтруизация" отношений собственности в выше обозначенных подходах не противопоставляется автором, а напротив, интегрируется во взаимодополняющие принци-

пы прогрессивного хозяйственного развития. В соответствии с этим принципиальным моментом становится признание собственности каждого конкретного индивида на свои способности (человеческий капитал), что выдвигает ее в ранг персонифицированного объекта присвоения и требует адекватного отношения со стороны других экономических агентов.

Дело в том, что, как уже отмечалось выше, весьма своевременным и обоснованным является мнение О.С. Сухарева о неадекватности возвышения права индивидуального владения и распоряжения имуществом (денежным) капиталом реалиям настоящего времени с его ориентацией на возрастающую значимость интеллектуальных способностей человека и формирование высококачественного человеческого капитала. С этой позиции актуализируется научный поиск возможных направлений построения такой институциональной структуры, которая бы претворяла в жизнь идеи концепции "неестественных прав", поскольку "... права экономических агентов, не являющихся владельцами крупной собственности, несколько не менее значимы прав владельцев такой собственностью..." [16].

В развитие своей концепции О. Сухарев предлагает спроектировать институт, понижающий социальный статус владельца крупной собственности, выдвигая тезис, что тот, "... кто владеет крупной собственностью, не сможет получать доход, превосходящий доход того лица, которое благодаря своим способностям, умению, опыту обеспечивает рациональное использование этой собственности" [16]. Выказанная мысль, на взгляд автора, вполне справедлива, поскольку приравнивание возможностей максимизации дохода владельцев имущественного и интеллектуального капитала будет способствовать возрастанию экономического и социального статуса владельца последнего, но при этом и весьма радикальна. К тому же реализовать эту мысль на практике будет достаточно проблематично, поскольку затрагивается весьма широкий круг важных вопросов, связанных с приращением собственности, капитала и богатства не только предыдущих поколений, но и последующих. Более того, возникают сопря-

женные задачи обоснования большей эффективности новой структуры, разработки норм и процедур лишения владельцев частной собственности рентного дохода, ее научно-практических оснований и точности и др.

Высказанный выше взгляд находит свое продолжение в работах других российских экономистов, выдвигающих необходимость одновременного пересмотра существующей системы отношений собственности с точки зрения формирования новой системы производственных отношений (организации экономики), равнозначного участия в процессе создания ценностей собственников интеллектуального (трудового) и имущественного (денежного) капитала [15]. "... В современном обществе собственником рабочей силы может и должна быть личность самого работника" [4, с. 22].

В настоящее время со всей очевидностью можно констатировать, что постиндустриальный этап социально-экономического развития, выдвигая приоритетность качества человеческого капитала и его взаимодействия с технической системой, сопровождающей процесс генерирования знаний и их реализации (инновация), одновременно должен вызывать возрастание дохода тех лиц, которые участвовали в ее изобретении и тиражировании. Однако на практике возрастающий доход присваивается собственником имущественного капитала ввиду укоренившейся в настоящее время институциональной иерархии, при которой значимость его прав частной собственности приоритетнее прав других участников интеллектуально-производственного процесса (интеллектуальный, трудовой капитал). Поэтому автор утверждает, что необходимо пересмотреть и трансформировать сложившуюся институциональную иерархию с позиции обеспечения равноценности прав собственников имущественного и интеллектуально-трудового капитала.

Действительно, рассматривая этапы эволюции экономических систем, можно отметить, что, развиваясь интеллектуально, человек как носитель трудового и творческого капитала последовательно заменяет функции, связанные с использованием своей энергии, ресурсами, по-

лученными опытным путем воспроизводства знаний, свидетельствующим о становлении постиндустриальной цивилизации.

При этом задействование человеческой энергии в процессе трудовой деятельности всегда связано с побуждением на основе материальных интересов, моральных и духовных стимулов, а также с принуждением – физическим или экономическим насилием. Чем ниже уровень творческой энергии человека и, соответственно, больше доля физического труда в экономике, тем более необходимо принуждение к труду. Иначе говоря, низкому уровню использования интеллектуальной энергии человека в трудовой деятельности соответствуют и более примитивные способы присвоения экономических благ посредством силового захвата, перераспределительной деятельности и т.д. Развитие производительных сил и производственных отношений имело следствием замену прямого физического насилия формами эксплуатации, основанными на отчуждении (одно из правомочий частного собственника имущественного капитала) работников от средств производства.

Впоследствии постиндустриальное производство затребовало более высокого уровня задействования человеческой энергии в творческой и интеллектуальной форме, и на место принуждения приходит побуждение как основной способ присвоения экономических благ. Однако это не означает ни исчезновения экономического принуждения к труду, поскольку сохраняется отчуждение непосредственных производителей (владельцев трудового и интеллектуального капитала) от средств производства, ни возрастания значимости прав владельцев человеческого капитала, отчужденных от созданной экономической ценности. Высокий темп развития информатизации общества способствует лишь совершенствованию технологий присвоения, но не меняет существо вопроса: присвоение созданной ценности благодаря реализации новой идеи (инновации) при ее тиражировании получает не собственник интеллектуального капитала (лицо, которое ее изобрело и тиражировало), а собственник имущественного капитала. Самодовлеющее начало прав частной

собственности на имущественный капитал перед другими экономическими и, шире, социальными правами индивида вызывает большие сомнения. Так, авторитетные российские экономисты А. Бузгалин и А. Колганов достаточно категорично заявляют о тотальном подчинении современному капиталу не только человеческого труда, но и его креативных качеств: "современный капитал частично присваивает богатство, созданное всеобщим творческим трудом" [19, с. 43]. Автор солидарен с высказанным мнением, поскольку теоретически и практически частная собственность не предполагает ее использования для оплаты труда тех, кто не является владельцем, и поэтому существующая в настоящее время система присвоения созданных в процессе интеллектуального труда ценностей по-прежнему основана на своего рода эксплуатации денежным и информационным (имущественным) капиталом трудовых и интеллектуальных способностей человека.

И здесь можно согласиться с В.А. Каменецким и В.П. Патрекеевым, утверждающими, что трудовые и интеллектуальные способности человека составляют неотчуждаемые объекты собственности, однако присвоение дополнительного дохода, создаваемого наемными работниками, осуществляется собственником имущественного капитала, который сохраняет за собой право распоряжения этим капиталом. Тогда как собственник интеллектуального капитала, участвующий в процессе создания стоимости, не имеет права ни на участие в управлении, ни на долю в полученном компанией доходе. Причиной сложившейся действительности являются, в том числе, пробелы существующей законодательно-правовой базы, которые исключают саму возможность приравнивания к объектам собственности способностей и качеств человека как формы нематериальных благ. Так, Конституция РФ в ст. 34 и ст. 37 ограничивается лишь констатацией наличия у человека способностей и права на их свободное использование, тогда как объектом собственности может являться исключительно только имущество (материальное благо) – ст. 35, п. 2; раздел II ГК РФ также не предполагает никаких иных объектов собственности, кроме различных видов имущества.

Признание равнозначности участия в процессе создания ценности собственников не только имущественного, но и трудового (интеллектуального) капиталов будет обуславливать столь же равнозначное их участие в распределении дохода предприятия. Отсюда следует, что выравнивание социального статуса владельцев материальных и нематериальных объектов собственности в процессе создания ценностей и максимизации дохода способствует достижению гармонизации отношений собственности посредством нивелирования имущественной дифференциации членов общества. В таком обществе складываются и реализуются взаимоотношения между владельцами большей и меньшей собственности в условиях признания неотчуждаемого права собственности каждого на интеллектуальный (трудовой) капитал и, следовательно, его участия в распределении конечного результата производственной деятельности. Здесь каждый член общества выступает собственником своих способностей и становится своего рода самоорганизующей системой с большими социально-экономическими возможностями. С этих позиций, на взгляд автора, возможно достижение реальной гуманизации отношений собственности в российской действительности.

Реализация вышеназванных предложений закладывает основу формирования системы гармоничных отношений между участниками производственного процесса (автоматическое совмещение интересов личных, коллективных и общественных), шире – экономическими агентами, где каждый является собственником определенной формы капитала, втянутого в процесс создания ценностей. Нормативно-юридическое признание объектом собственности интеллектуальных и трудовых способностей человека конвертирует его знания в капитал, способный приносить доход, и в этой связи приоритетность последнего поднимается до уровня значимости денежного капитала.

Одновременно с нормативно-законодательным закреплением выдвинутого постулата необходимо формировать условия для практического воплощения нового понимания собственности с точки зрения выстраивания такой

формы производственных отношений, при которой каждый работник как собственник своих интеллектуальных способностей, подобно собственнику имущественного капитала, смог бы без значительных усилий их реализовать и получить соответствующий доход. В основе новой системы производственных отношений работнику как владельцу трудового капитала гарантируется не минимум оплаты (цена труда), а вся стоимость, создаваемая этим трудом. Думается, возможный эффект внедрения на практику обозначенного выше положения будет иметь социально значимые последствия в виде возможности для большинства граждан страны самостоятельно обеспечить достойный уровень жизни, существенно отличающийся от того минимума, который устанавливает государство.

В настоящее время при существующей системе производственных отношений (организации экономики) исключительно от прибыли, определяемой конечными результатами хозяйственной деятельности, напрямую зависит только доход собственников имущественного капитала. Внедрение каких-либо стимулирующих выплат и других форм вознаграждения наемных работников, а также программы их участия в акционерной собственности корпораций (к сожалению, в российской экономике наблюдается практически всестороннее отчуждение работников от участия в собственности приватизированных акционерных обществ), конечно, приносит свой эффект, но он не адекватен реалиям постиндустриального развития, поскольку не раскрывает и не задействует всю полноту способностей и качеств человека. Поэтому автор и выступает за трансформацию производственных отношений, при которой доход работников как владельцев трудового капитала будет также зависеть от конечных результатов труда, как это происходит при получении доходов владельцев имущественного капитала.

Более того, необходимо создание соответствующих институтов и организационных форм, гарантирующих не только воспроизводство человеческого и интеллектуального капитала их собственникам, но и создания условий его высокоэффективной экономической реализации.

Это сопряжено с множеством аспектов человеческой деятельности, начиная от доступности и качества получения образовательных и медицинских услуг, состояния жилищной сферы и заканчивая общедоступностью пользования научными библиотеками, фондами и т.д. Автор не останавливается на исследовании этих вопросов по причине ограниченности объема статьи, однако высказанное мнение видится весьма уместным и обоснованным.

Таким образом, автором была предпринята попытка постановки проблемы целесообразности существующей институциональной иерархии реалиям постиндустриального этапа экономического развития с его ориентацией на приращение знаний и качества человеческого капитала. Естественно, ограниченность объема статьи не позволила более обстоятельно проанализировать вопрос возможных ограничений прав частной собственности для реализации ее общественно-значимой функции, что будет предпринято автором в дальнейшем.

Список литературы

1. Локк Дж. Избранные философские произведения. – Т. 2. – М., 1960.
2. Смит А. Исследование о причинах и природе богатства народов; пер. с англ. – Т. 1. – М., 1935.
3. Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности (17-20 вв.). – СПб.: Ганза, 1993.
4. Собственность в системе социально-экономических отношений: теоретико-методологические и институциональные аспекты; под ред. В.И. Жукова. – М.: Российский государственный социальный университет, 2005.
5. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории; пер. с англ.; под ред. В.С. Катъкало, Н.П. Дроздовой. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2005.
6. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру; пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра // Русская философия собственности (17–20 вв.). – СПб.: Ганза, 1993.
8. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990.
9. D. North, R. Thomas. The Rise of the Western World. – Cambridge, 1973. – P. 2–3, 8.
10. D. North Structure and Change in Economic History. – New York, London, 1981. – P. 158–166.
11. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Письмо 12. О хозяйстве // Русская философия собственности (17–20 вв.). – СПб.: Ганза, 1993.
12. Осипов Ю.М. Философия хозяйства: вчера, сегодня, завтра // Экономическая теория на пороге 21 века. – М.: Юрист, 2002. – С. 12–16.
13. Якуба А. Война идеологий. Возвращение Бога // РБК. – 2007. – № 12. – С. 43–48.
14. Чабанов В. Экономика 21 века, или третий путь развития. – СПб.: БХВ-Петербург, 2007.
15. Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Собственность в XXI столетии. – М.: ЗАО "Издательство "Экономика", 2004.
16. Сухарев О.С. Дисфункция акционерной собственности в России // Бизнес и банки. – 2007. – № 48 (884).
17. Власова М.В. Право собственности в России. – М.: Эксмо, 2007.
18. Капелюшников Р. Собственность без легитимности? // Вопросы экономики. – 2008. – №3. – С. 85–105.
19. Бузгалин А., Колганов А. Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики. – 2005. – № 9. – С. 37–49.

В редакцию материал поступил 14.08.08.